
ЧЁРНОЕ
СЕРДЦЕ
ГЕННАДИЙ КАЗАНЦЕВ

Геннадий Казанцев
Чёрное сердце

https://litres.ru/74883837
SelfPub; 2026

Аннотация

Проводив сына учиться в Москву, Глеб и Вера Лосевы нанимаются техниками на высокогорную метеостанцию Каратюрек — 2600 метров над Уймонской долиной, напротив Белухи. В ноябре Вера открывает старые военные журналы наблюдений и видит невозможное: погода этой зимы день в день повторяет зиму 1941/42 года. Журнала за март сорок второго на станции нет.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОКТЯБРЬ. 4
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Геннадий Казанцев
Чёрное сердце

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОКТЯБРЬ.
Глава 1. До весны

Глеб стоял в проёме пилотской кабины и держался обеими руками за края, как держатся в переполненной электричке.

Командир позвал его сам, ещё на площадке в Тюнгуре, пока грузили последние мешки:

— Андреич, иди вперёд. Посмотришь.

Сказал легко, будто так и полагается, и протянул запасную гарнитуру. Отказаться было бы хуже, и Глеб пошёл. Теперь он стоял за спинами пилотов, а прямо перед ним, в проходе, на откидном сиденье сидел бортмеханик — молодой, в наушниках поверх вязаной шапки. Сиденье было обычное, как во всех «восьмёрках», и Глеб старался на него не смотреть.

Приборы он читал, не желая их читать. Обороты несущего винта в зелёном секторе. Температура газов в норме. Машина шла тяжёлая, под завязку: уголь в мешках, бочки с соляркой, мука, сахар, ящики с тушёнкой, картошка, новый аккумулятор для генератора и поверх всего их с Верой сумки.

Командир вёл её ровно, без рывков, с запасом мощности, и Глеб это отметил и одобрил. Левая рука у него сама собой сжалась, будто в ней лежал шаг-газ — рычаг, которым вертолёт поднимают и опускают. Он разжал пальцы.

С января двадцать четвёртого года он в кабине не был ни разу.

Внизу, под левым бортом, разворачивалась долина. Катунь шла по ней широкими петлями, по-осеннему бирюзовая, в белых галечных косах, а вдоль реки лежали тёмные прямоугольники огородов, серые крыши Тюнгура и нитка подвесного моста. Склоны над рекой горели. К первому октября лиственницы пожелтели целиком, и рыжее стояло по склонам полосами, вперемешку с тёмной, почти чёрной хвоей кедров. Выше лес редел, рвался на отдельные деревья и кончался совсем. Там начинались гольцы: голые макушки гор без единого куста, бурые от пожухлой травы, в серых осыпях и первых пятнах снега.

— Красиво тут у вас, — сказал в наушниках второй пилот. Он был молодой и летал сюда, видно, нечасто.

— Не у нас, — ответил командир. — У них.

И кивнул вперёд, на хребет, к которому шла машина.

Командира звали Олег Брюханов. Когда-то они с Глебом стояли на одной площадке в Горно-Алтайске, летали одними маршрутами и пили чай из одного термоса. Про январь двадцать четвёртого Брюханов не спросил ни на земле, ни в воздухе. Спрашивать и не было нужды: про тот январь знали

все, кто летал на Алтае.

Тогда горная станция дала Глебу по телефону фактическую погоду: видимость десять километров, облачность три балла. Через сорок минут он вошёл в облако, которого в сводке не было, а ещё через минуту — в склон. Бортмеханик Саня Кривошеев сидел вот так же, на откидном сиденье в проходе, и последним, что Глеб помнил перед ударом, был его затылок. Комиссия Глеба не обвинила. Врачи списали: позвоночник собрали, но летать с таким позвоночником было нельзя. Наблюдатель с той станции клялся, что выходил к приборам. Глеб был уверен, что не выходил. Доказать ни то ни другое не смог никто.

Он перевёл взгляд с затылка бортмеханика на остекление.

Хребет надвигался. Он был не острый, а широкий, будто горы здесь срезали ножом, и по его спине тянулись бурые террасы, полосы курумника — россыпей из каменных глыб, наваленных одна на другую, — и чёрный камень. Чёрного было больше, чем серого. Плитняк лежал по гребню грудами, торчал из склонов рёбрами и блестел на изломах, как мокрый уголь.

Станцию Глеб увидел раньше, чем ждал. На самом верху стояли несколько крыш, белый ящик на ножках, мачта с флюгером и антенна на растяжках. Чуть ниже, на уступе, темнел низкий сруб, совсем чёрный, будто обгорелый. Всё это было крошечное и сидело на гребне так, словно его поставили сюда на минуту и забыли.

А потом машина развернулась, и слева открылась Белуха.

Она стояла за следующим хребтом, за долиной, которой отсюда не было видно, но казалось, что стоит она прямо за краем площадки. Две вершины и седло между ними. Белое, тяжёлое, с голубыми тенями ледников и отвесной стеной, на которой не держался снег. Она была так близко и так высоко, что глаз не находил ей места. Рядом с ней всё остальное — хребет, станция, сам вертолёт — делалось маленьким и временным.

Второй пилот присвистнул. Командир ничего не сказал.

Он зашёл против ветра, повисел над площадкой, выбирая, куда поставить колёса, и сел мягко, по-горному осторожно: на такой высоте воздух жидкий и держит хуже. Касание Глеб почувствовал раньше, чем увидел, — пятками и позвоночником, тем самым, собранным, — и ему стало досадно, что он это почувствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.